

За шумом

За шумом

16+

Андрей Грачёв

Андрей Валерьевич Грачёв

За шумом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64793537

SelfPub; 2021

Аннотация

В метро, в душе, при сильном ветре, в гуле работающих станков – мы слышим звуки, которых нет. Где-то там, за шумом.

Андрей Грачёв

За шумом

Так, теперь вот этот ковёр, ага. А потом пройдемся вокруг зоны камина. Сэм гордился своим домом, в который он переехал прошлым летом. Он был материальным воплощением его успеха. Родовое гнездо! И гнездо это требует постоянного ухода – всё нужно содержать в чистоте. Кажется, только они со Сюзан это понимают, но дети считают опрятное жилище само собой разумеющимся – попробуй, заставь их убрать в своих комнатах! Сэм не признавал прислугу – он же не лорд какой-нибудь, уж как-то они с женой сами управятся, тем более что времени свободного у них стало хоть отбавляй. Они легко разделили обязанности по уборке, ему достался пылесос, ей – мокрая тряпка. Сначала работает Сэм, затем Сюзан. На весь дом у него уходило порядка полутора часов – достаточно, чтобы утомиться от рёва двигателя пылесоса, с огромной силой всасывающего воздух из шланга. Этот шум – было в нём что-то жуткое и одновременно завораживающее, постоянно кажется, что за ревущей завесой проскакивают какие-то другие, посторонние, звуки. Сколько раз ему приходилось прерываться и выключив агрегат вслушиваться в тишину будучи абсолютно уверенным, что его только что кто-то звал. Воображение обманывает уставший от постоянного громкого шума мозг.

Сэм работал в гостиной, ворочал новеньким блестящим хромированными боками пылесосом, который казалось весил целую тонну, а ревел как весил. Теперь, с тех пор как едва этот стальной монстр впервые показался из огромного ящика, в котором пришёл с другого конца Земли – семья объявила Сэму решительный бойкот на время уборки. Когда он пылесосил – остальные предпочитали скрыться в другом крыле дома и закрыть все двери. Всё из-за шума, он был просто невыносим! А вот Сэм, напротив, был человеком неприхотливым и практичным – легко готов потерпеть мощный гул последней модели малоизвестных в его краях Тайфунов ради впечатляющей силы всасывания. Ведь уверенность в чистоте первого же прохода – вот, что главное. А шум – шум можно и пережить, главное отвлечь себя мыслями о сочном куске хорошего стейка. Вот вся семья и предпочитала переживать его вдали от источника. А Сэм не обижался – он находил странный медитативный покой в грохочущем процессе уборки пыли. Если бы ещё не эти игры воображения, которые стали донимать его сразу после покупки – из-за них он часто останавливался, выключал агрегат и прислушивался – может на этот раз его правда зовут? Или звонит телефон? Это сильно раздражало и отвлекало, но он понимал, что надо просто привыкнуть и перестать обращать внимания. Вот сегодня он наконец решил избавиться от навязчивой идеи, что во время сеанса пылеуборки он вдруг стано-

вится нужен целому свету. И перестал бросаться к тумблеру выключения, как только ему начинало что-то слышаться – в конце концов они знают, что он их не услышит, пусть подойдут и скажут, если потребуется.

Уборка была в разгаре – только пыль, Сэм и шум пылесоса. Работа спорилась, в нитях струящегося из больших окон света танцевали поднятые суетой пылинки. Он постоянно испытывал соблазн выключить пылесос и прислушаться – его снова беспокоили выдуманные его подсознанием звуки среди шума. Он поначалу не обращал на них внимания, но по мере погружения в работу как-то сам собой начал прислушиваться, фокусироваться на каких-то едва различимых фрагментах в хаосе режущего двигателя. Если подсознание хочет играть с Сэмом – то Сэм, хочет он того или нет, сыграет с подсознанием. Но как бы он ни старался, ему никак не удалось выделить никакого конкретного звука из общей какофонии шума пылесоса – вот вроде бы голоса, шепот, крики, трель телефонного вызова и звук бьющегося вдали стекла, но он лишь угадывал их, не слышал на самом деле. Он настолько увлекся копанием в своей голове, что не заметил журнальный столик у себя на пути – еще немного, и он бы лежал в куче осколков!

Сэм снова и снова погружался в симфонию, исполняемую Тайфуном-5000 и, пока за окном темнело, он начинал чув-

ствовать себя все более неуютно от того, что, как ему казалось, он начинал улавливать где-то на периферии восприятия в какофонии звуков перегоняющего под давлением воздух внушительного аппарата. Углубившись в собственные ощущения, он уже не замечал ничего вокруг себя.

Сэм оцепенел, очнувшись посреди зала в крошечной темноте. Было же половина шестого вечера, когда он начал, как он мог отключиться так надолго?! И почему его никто не хватился – Сюзан с девочками ужинали без него? Он попытался собраться с мыслями и прежде, чем начать двигаться куда-то вслепую – попробовать вспомнить, в какой части зала он находится. В руке он все так же сжимал шланг от пылесоса, тот передавал на руку знакомую легкую вибрацию работающего аппарата. Вот только работал он почему-то совершенно бесшумно. А вот тьма вокруг Сэма взорвалась фейерверком накладывающихся друг на друга звуков – где-то за дверью глухо и заунывно зазвонил телефон, трели то становились громче, то затихали, иногда растягивая ноты, а затем сжимая. Откуда-то из другой части комнаты раздавалось то ли хлопанье, то ли чавканье, перемежаемое странным и неприятным хрустом. Сверху под чьими-то тяжелыми шаркающими шагами скрипели половицы. Сначала почувствовал затылком, а затем и услышал, как сзади начала ходить ходуном дверная ручка, готовая в любой момент слететь и развалиться на части, а затем и сама дверь затрещала под чудовищными ударами. Слева что-то медленно ползло в сто-

рону Сэма, оставляя за собой влажный след.

Он ничего не видел, не мог пошевелиться – тело отказывалось слушать его команды, мышцы скрутило судорогой, кости пронзил холод, он хотел бы закрыть уши руками, но не мог перестать вслушиваться в окружающий его ужас. Жуткий крик смертельной агонии человека донёсся до ушей Сэма, захлебывающийся от боли голос молил о пощаде, откуда-то с другого направления могильный шепот обещал ему страшные муки. Что-то звало Сэма то голосом покойной матери, то перебивающими друг друга голосами дочерей. Интенсивность звуков, их разнообразие и громкость – нарастали. Ужасные монстры где-то в крошечной тьме подбирались все ближе, кто-то безумно хохотал в глубине черной бездны, и в миг, когда он почувствовал чьи-то холодные пальцы на своей шее – Сэм понял, что один из кричащих голосов принадлежит ему самому.

Сюзан нашла мужа лежащим ничком на ковре, когда пришла звать его к ужину. Он не двигался, но до побелевших костяшек сжимал шланг работающего пылесоса мертвой хваткой. Из ушных раковин шли две бордовые кривые полосы свернувшейся крови. Пытаясь перекричать страшный гул она нагнулась и принялась трясти мужа – ей казалось, что среди шума она слышит его голос. Но тело было уже холодным.